

Блехштейн Лазарь

Один из сыновей просит меня написать родословную, но тк она очень дробная, и не очень мне известна – ничего замечательного я в ней не находил – все как-то собираюсь-собираюсь, не могу сесть за тетрадку. Дальний-дальний родственник имеет хобби: генеалогия; он занимается этим всю жизнь: пишет статьи в России, и есть статьи в Америке, свой род он довел до XV века. Но попутно он нашел и интересные для меня вещи. Вы знаете, что, по-моему, в 1863 году было разрешено евреям поселяться в крупных городах, в тч в столицах. Разрешалось людям с высшим образованием – тогда это была редкость, очень богатым людям, богачам, и ремесленникам. Так вот оказывается, первое упоминание без имени и даже с изменением фамилии: вместо «х» фамилия Блехштейн там стояла Блекштейн, но это было похоже – других фамилий близких не было... Значит, оказывается, какой-то мой пра-пра был... один жестянщиком, другой занимался, по-моему фанерой – кустари были такие. Больше об этом я ничего не знаю. Мои сведения только начинаются с того, что у меня в альбоме, который мне достался старых фотографий, имеются фотографии: дедушки и бабушки (могу показать потом), видимо, со стороны отца (четко у меня нету), и папа и мама. (Известно, что этот дедушка работал где-то на железной дороге; как мама с гордостью передавала, изобрел какой-то оригинальный фонарь – и тем был мне интересен – больше ничего об этом не знаю; очевидно, это передалось по какому-то наследству, говорят, это переходит, потому что я тоже оказался скромным изобретателем – о чем мы поговорим потом. Мама не говорила о своих предках ничего никогда; я только от этого энтузиаста, занимавшегося генеалогией, узнал, что у меня даже была родная тетка, и узнал ее имя – Циля – понятия не имел! Я только узнал это несколько лет назад) Дедушек и бабушек я знал только по портретам, висели когда-то, то же самое и папа. Дальше начинается моя семья. Я родился в мае. Отец умер в августе, так что я отца не знал. У матери было 5 детей; один умер – о нем не было разговора в семье, что-то такое маленьким, кажется в 4 года, не знаю, такой был слух; об этом тоже не говорили. Дальше я младший, у меня было 2 сестры и 2 брата. Дальше, это можно сказать сразу... вчера была по телевизору такая передача «Энциклопедия тайн» - я ее люблю смотреть – вот была передача про проклятие рода. У меня такое впечатление, что наш род с того момента, который мне был известен (вот уже дед... ничего не знаю) начиная с моей семьи: отца и матери – все, так или иначе, были несчастны 100%-но; ну кроме, понятно, сегодняшних маленьких. Значит, во-первых отец умер молодым; он был заготовщик по обуви – имел право жить в Петербурге, мать осталась вдовой и, как она рассказывала, в дореволюционное время это была страшная жизнь. Жизнь была в одной маленькой комнатке, 5 человек – я ее помню зрительно, хотя был очень маленьким; и потому что, может быть, был пожар, и меня мать из огня вытащила, какая-то была коридорная система – очевидно, яркое впечатление осталось в памяти. Мама тоже осталась в 42 года вдовой – рано. Старшая сестра вышла замуж, и случилось несчастье: она заспала ребенка; усталая женщина легла спать и грудной ребенок – этот комочек – рядом с ней. И она ночью, неудачно повернувшись, прижала ребенка и задушила его. Это называется «приспала», если я не ошибаюсь; народное слово. А муж был очень чадолюбив, и это уже было для него непростительным грехом – в семье было не очень удачно. Остановимся на ее семье. Муж погиб в первые же месяцы войны; по слухам, на Волхове перевернулась баржа – все погибли – так что он даже не воевал. Осталось двое девочек. В войну мы разделились (я немножко пойду вперед): вторая

сестра осталась в городе с вот этими племянницами, а поскольку у меня к тому времени были уже жена и ребенок, они были уже в эвакуации (к этому придем). Жизнь была в войну тяжелая; характером тетка и дети не сошлись; они потом уехали куда-то под Урал в эвакуацию. Короче говоря, старшая девочка была неуправляема; все время грустная; и она дважды пыталась покончить жизнь самоубийством; к сожалению, вторая попытка (один раз в эвакуации, второй – здесь, в Ленинграде) удалась – она бросилась под поезд. Никто кроме меня толком не кончил ни одного учебного заведения, было так – самообразование. Старшая сестра тоже не кончила. И в войну 16 октября она уже была без мужа, она работала на Кировском заводе, рабочей, чтоб карточку получить и все такое, и была подстрелена на Турбинной улице, и умерла 16 октября. Вот остались две сиротки, которые, значит остались с сестрой. Вторая сестра, по старшинству, в детстве упала, хоть не очень заметно, но была горбатой и низенькой. Образования она также не получила и замуж не вышла; умерла она в 69 лет девственницей – судьба тяжкая. Отсюда, может быть, и такой, несколько тяжкий характер; хотя хотела делать как лучше, много читала, хотела передать детям. Дальше был брат; старше меня на 6 лет. Мальчишкой, в 7-8 классе, я пытался его убедить, чтобы он учился, но в период НЭПа... Значит, мать тоже должна была как-то зарабатывать – жить надо было, жили голодно. Я помню, как я стоял около матери, и она на керасинке жарила оладушки из картофельной шелухи – и для меня это было удовольствие – я ждал следующей оладушки. Она была тоже необразованная женщина, но частично знала, кусками, разные языки: и немецкий, в основном, французский, польский, русский, еврейский. Еврейский, русский она знала хорошо, французский и немецкий, понятно, уже забыла и знала плохо, а почему? Потому, что папа и мама приехали из Вильно, и она была старшей продавщицей в галантерейном отделе, и ей нужно было принимать товар и продавать; тогда много было товаров из Франции, Германии, Польши. Да, литовский она знала плохо, как она сказала – я ни одного слова не слышал; а польский она, говорила, что знала прилично. В общем, как старшая продавщица она должна была немножко знать языки, чтобы принимать товар и тд и тд.. Но знала она плохо, потому что, когда я уже будучи в школе, пытался что-то у нее спросить – мы учили, допустим, немецкий – она мне помочь не могла. Но во всяком случае, когда они, был, помню, маленьким, хотели что-то от меня скрыть, то она со старшей сестрой говорили по-французски, значит, чего-то понимали немножко. Чтобы заработать, она варила мыло и продавала его на базаре. Вот там, где сейчас площадь Тургенева, была большая церковь, Покровский рынок. И значит, в период НЭПа брат тоже увлекся торговлей: у него на том же рынке маленький такой вот (показывает, охватив одной рукой другую) столик – занимался галантереей; я ему говорил, что, если советская власть разрешает учиться, так надо учиться, но ему это не пошло на пользу. Кончилось тем, что... Потом, понятно, все это, НЭП, стали прикрывать в сталинские времена. И в 30-ом году, в 31-ом году, он с каким-то другом-евреем, значит, он уже свое дело ликвидировал, появились какие-то деньги – они организовали изготовление из шерсти шапочек и шарфов; они купили такую трикотажную машину, и еще одну машину, там, для разрыхления этой шерсти, не помню как называется. Их преступление, и брата моего и его партнера, заключалось в том, что ту женщину, которая жила – ей негде было жить – мы ее устроили у нас – у нас была 3-комнатная квартира. Революция нам пошла на пользу, потому что жили вот в этой маленькой комнате, которую нам дали, квартиру, 3-комнатную, на Канале Грибоедова, очень хорошую, маленькую... ну, короче, эту женщину можно было приютить. Она, значит, там работала

на этой машине, брат и еще одна женщина – на другой машине... ну, короче, ее неправильно оформили: вместо того, чтобы оформить ее как рабочую, как работницу, ее оформили как домработницу – это, очевидно, было дешевле и все такое. Короче говоря, это было противозаконно. Этих обоих, и брата, и его компаньона судили, присудили 2 года – тогда это было мало, это потом стали давать большие сроки. Его партнер удрал с семьей в Китай (это неважно – мы его не знаем), а брат попал в тюрьму, а потом – в лагерь, и 2 года свои пробыл. Так что без образования, без ничего – опять плохая судьба. Мать осталась вдовой в молодые годы; старшая сестра потеряла мужа, стала вдовой и погибла под обстрелом; следующая сестра – горбатая, несчастная судьба, вся жизнь; брат – вот таков был, но это не помешало ему пройти и Финскую войну полностью, и Великую войну – от звонка до звонка – остался жив, даже серьезно не ранен, даже получил орден звезды, но судьба не сложилась. Значит, женился, но так как у него была такая склонность жить получше, так пока он не обрел комнату и все оборудование в ней: и мебель, и то, что должно быть в мебели, и одежда, и хрусталь, и обстановка – значит, пока все это постепенно накапливалось, жена его дорогая делала бесконечные аборт – в результате, детей не получилось. Так они и скончались оба без детей. Ваш покорный слуга поступил в школу в должное время. Да, я не сказал еще одной важной вещи: в период революции, когда в Петербурге, в Ленинграде, жили очень голодно и холодно, был образован еврейский приют, и с этим еврейским приютом брат, и вторая сестра, и я были направлены... этим приютом и уехали из Ленинграда, тогда еще был Петербург [Петроград], понятно, уехали из Петербурга, были на Урале, в Уфе, и уже только будучи взрослым, я понял – я вспомнил, там, казаков, людей на конях и тд и тд – что попали как раз в чапаевские бои – но тогда это понятно не знал. В 18 году, 19 году я пошел в школу – 8-ми лет – я 11-го года – пришел в школу, а 30 сентября попал под трамвай – это следующий уже, значит, следующий, 4-тый, оставшийся в живых, тоже, значит, попал под это проклятье. Поэтому этот год и пропустил, лежал до весны в больнице, а затем уже со следующего года продолжал [ходить в] школу и кончил. Кончил я замечательную школу; значит, в то время было 5 школ «иностраннх»: немецкие (аннен шуле, питер шуле), греческая, польская и 5-ая – еврейская национальная школа. А это бывшая гимназия, до революции – Айзенштадта, это здание угловое на Лермонтовском проспекте, задняя дверь нашего здания, сейчас там, по-моему, еврейское общество (они, по-моему, это здание забрали) – против института Лесгафта, а задний двор выходил на синагогальный двор. Это была чисто еврейская школа: 9 классов, все учителя еврейские. Я с великой нежностью и уважением вспоминаю, потому что каждый из них был личность, о каждом можно говорить. Было 200 учеников с небольшим, и русских было только 2 уборщицы. Вот эту школу я кончил в 30-ом году – после эту школу закрыли; это был 20-ый выпуск после гимназии Айзенштадта, и надо сказать просто, с некоторой гордостью, потому что [о том, что] где-то в 29 году по был всему Ленинграду, ну, как сказать, конкурс-не-конкурс, кампания: определяли качество обучения и потенциал учеников, то есть, как сегодня бы сказали, исследовали IQ. Причем, надо сказать, что Петер Шуле, Аннен Шуле это были школы богачей: их провожали – ну не всех, понятно, но многих – провожали гувернантки, нанимали репетиторов и тд и тд; наша школа была школа нищих: это был еврейский район, от того же Английского проспекта до Садовой, и весь этот район, и часть Садовой до Покровской церкви, Канал Грибоедова – там очень много было евреев, потому что там была и синагога рядом, и школа рядом – а так, большинство... я не помню ни одного богатого: нищих помню,

бедняков помню... все были... никаких... самое большое у нас было несколько, в нашем классе, было несколько интеллигентов, допустим, сын учителя нашей же школы, еврейского языка – он потом стал профессором, а больше, что было – такие же капсоним, как моя семья и тд и тд. Что такое капсоним знаете? Бедняки. «Гвирн» это значит «богатые», «капсоним» значит «нищие» - это по Шолом Алейхему. Кончил школу. После школы надо было поступать на работу. Я параллельно со школой кончил художественное училище. У меня были какие-то маленькие способности по рисованию. Когда я кончил параллельно и школу и училище – 3 года ходил в художественную школу, диплом есть – я, слава Б-гу, у меня хватило ума понять, что способностей нет – не только таланта, даже способностей – я мечтал, что лучше быть средним инженером, чем плохим художником, поэтому у меня только осталось от этого самого училища то, что меня хватало... потом оказался хорошим чертежником – это мне помогло – была рука и был вкус до последних дней; и любовь к искусству до сих пор – стал собирать коллекцию (показывает книги из серии «100 великих...») ... Много этих книг – примерно около 100 – я решил собирать, потому что правнук есть. Но это было время, когда поступить в институт было трудно. Я ничего не знал, после школы никакой профессии, ничего. Я пошел на «Электросилу» чертежником. И если считалось, что Самистак первые чертежные работы мог бы дать через полгода – через год, то я уже через полгода был чертежником-конструктором. Да, тогда надо было, чтоб поступить в институт, 2 года производственной практики; значит, все наши ребята поступили кто токарем, кто слесарем и тд, но я не мог к станку, так что пошел как бы чернорабочим – копировщиком в конструкторское бюро на «Электросилу». Значит, организовали там одно из первых в СССР одно из первых ОКБ (Особое Конструкторское Бюро). После процесса промпартии были организованы в разных крупных учреждениях, на заводах такого рода бюро. Когда Вы едете отсюда, допустим, в город – «Электросила» направо будет во дворе за решеткой такое двухэтажное желтое здание – вот это и было наше ОКБ. Короче, из «Электросилы» взяли 6 человек, и туда свозили арестованных докторов, профессоров – несколько 10-ков – значит, генерал был начальник. Были свечки, понятно, решетки – все как положено. И тогда, значит, 6 копировщиков-чертежников туда пригнали. И пока набирали коллектив, оказывается, проверяли и нас – короче, из 6-ти человек оставили 2-х, очевидно, получше, в т.ч меня. Значит, эти люди – не буду говорить про технику – они сконструировали 2 грандиозных проекта, и когда они сконструировали в 32 году, их, понятно, отпустили, всех этих весьма ученых людей. Я был очень огорчен тем, что у меня не было тогда школы, знаний, чтобы почерпать у этих людей из знания. Но туда прислали на помощь этим людям, ну, как сказать, для увеличения коллектива, для более простых работ, полгруппы института электротехнического, прям туда дали, они там начинали работу. Шансов поступить в институт у меня не было: брат сидел, а мама считалась, так сказать, кустарь-одиночка... торговка, а делала [изготавливала продукцию] – кустарь-одиночка. Значит, как Вы понимаете, тогда еще не было антисемитизма, значит, мое еврейство тогда не было препятствием для института, а биографические данные никуда не годные были. Когда эти мужи кончили свою работу, и это ОКБ, это бюро было расформировано, то генерал вызвал меня и за хорошую работу наградил меня одеждой, тогда это – носовой платок было трудно купить. Ну, короче, тогда кое-что можно было, но большинство было по карточкам, купить было невозможно, и денег не было, были небольшие деньги, была небольшая зарплата. Но я ему открытым текстом сказал: «Вы же знаете мою биографию - я не скрывал никогда ничего – ноль: сидит – так сидит,

кустарь – так кустарь – я никогда в анкетах не врал. – Поэтому Вы знаете, что меня, с моими данными, меня в институт не примут». А тогда при «Электросиле» организовали вечерний институт – отделение Электротехнического института. А он мне предъявил награждение – целый список: т.е, буквально от носков до зимнего пальто и шапок, и летние, и зимние, и костюмы. Я ему сказал, что мне это очень надо, спасибо ему большое, но мне надо учиться. «А почему ж Вы не подали заявление?» Тогда я говорю: «Это бессмысленно». «Подавайте.» И я подал. Вывесили список поступивших – меня нет. Пришел к нему. Говорю: «Как я и сказал, меня нет». Тогда он мне выдал бланк с ходатайством. Тогда это называлось страшным именем ГПУ. Это то самое ГПУ, которое под руководством Сталина убило 10-ки миллионов людей. ГПУ это Главное Политическое Управление, потом меняло разные названия: НКВД, сейчас это ФСБ – тогда это было ГПУ, это было страшно, потому что тогда говорили полнарода сидит, полнарода дежурит. Значит, ходатайство ГПУ, чтобы меня приняли в институт. С этой помощью, с этой бумагой меня в институт приняли. Но так как я скоро убедился, что образование... т.е обучение там мне показалось неполноценным, я перешел в дневное отделение Политехнического института, потерял на этом год. И в 37-ом году кончил по кафедре измерительной техники (сейчас она называется информационно-измерительной). Ну, дальше началась моя производственная, если хотите, оторвемся от семьи. Сперва я работал в «Ленэнерго», потом в войну от «Ленэнерго» дали машину, через дорогу жизни переправили в Ташкент. Почему в Ташкент. Один большой француз рекомендовал, если Вы хотите узнать человека, положите две бумаги: на одной пусть он напишет, что он сделал в жизни хорошего, на другой – что он сделал в жизни умного. Ну, я еще бы 3-ю бумагу положил – что он сделал глупого. Причем, у меня оказалось, что столбец глупого превышает сумму столбцов умного и доброго. Так вот одним из самых умных моих поступков в жизни, которым я горжусь, заключается в том... Сталин не верил, что будет война в такое-то и такое-то время – для него это было неожиданностью. Я, судя по газетам, судя по разным мировым соотношениям (основное то, что Гитлер приблизил к нашим границам 100 с лишним дивизий и тд и тд, были еще факторы, не будем сейчас уточнять, детализировать), но я понимал, что война будет и она будет скоро. Я работал в «Ленэнерго». Служба сбыта. Служба, где определяют квоты. Короче говоря, люди, которые там работали, имели такую блатную власть, вот у меня там работал приятель. Я к нему пришел и сказал – я тогда уже был женат (40-ого года), я не говорил: в 40-ом году, значит, попал в службу автоматики, пришла работать женщина – и через 3 месяца мы поженились; но у нас к этому времени – к 41-ому году – уже был ребенок, 10 месяцев. И я своему приятелю заказал билеты. А в это время ее сестра была за чертой Ленинграда – они были с мужем инженеры-геологи и они работали на строительстве какой-то электростанции (или что-то вроде того) и к ним можно было направить жену. Так вот совершенно неожиданно для жены на следующий день я пришел к ней, вечером, принес билеты, и, короче говоря, 6-ого июня 41-ого г я ее с сыном отправил из Ленинграда, а 22 началась война (за 2 недели). Я считаю, что это был один из самых умных, если не самый умный, мой поступок – т.е я предвидел войну вопреки газетам, вопреки заявлениям Сталина, Молотова – я отправил жену, и тем самым спас ее. Жена – очень активная женщина: она и с матерью там была. Они с великим трудом переправились в Ташкент. Она там устроилась на работу, преподавателем, на первое время обеспечила себя и всю семью. Ну, я знал, что у меня семья уже далеко, я остался в Ленинграде и мы только в 42 году в феврале удалось уехать туда. Остались здесь: мама, сестра вот эта, вторая, брат был на

войне, на фронте, и две эти племянницы. Я не мог взять с собой по двум соображениям: первое – этот автобус был от Ленэнерго – там только были сотрудники Лэн, ни одного из родственников не разрешили: ни дочь, ни мать, ни брата, ни сестру; кто хочет больше – не брали; так что просто я их не мог взять формально. А во-вторых, это было то время – февраль 42-ого – когда не было абсолютной надежности, что этот автобус дойдет до большой земли: были случаи, когда ныряли под воду. А я был в райкоме, и мне сказали, что скоро будет организована отправка других граждан, и я им сказал, что они скоро уедут; действительно, они скоро уехали. К сожалению, мать умерла – в Женский день, 8-ого марта (поэтому 8 марта для меня не радостный, а тяжкий памятный день). В 42 г я отправился, получил разрешение (у меня остался документ) отправился в Ташкент. К этому времени в Ташк появился 2-ой сын, жена, к сожалению, никогда не прибегала к каким-то другим ср-вам: она ни одного аборта не имела, поэтому у всех моих друзей, приятелей (директор, главный инженер, начальник моего бюро и т.д и т.д) было по одному ребенку, а у меня – 3, все на меня смотрели как на сумасшедшего: а виноват не я, а просто я не смел настаивать, чтобы жена сделала аборт – разные моральные кач-ва; если бы, упаси Б-г, случилось что-то неприятное – так виноват был бы я и как тогда жить? Ну, короче говоря, у меня было 3-ое сыновей. 3-ий родился... Она вернулась... Я работал тоже в конструкторском бюро, потом оттуда было не выйти из блокады – ну, я придумал тоже номер: был объявлен конкурс (завод типа нашей Светланы – лампы делали электрические; я был один из ведущих конструкторов) на изделие в 44 году. Было подано 100 предложений – из них 50 – мои. Короче говоря, потом меня директор попросил быть начальником этого отдела, этого цеха. Этот цех..... Был на линии такой, на которой – блатной цех – мог начальник цеха заместителя найти – действительно, я такого нашел, и меня отпустили тогда, и я уехал через Москву, министерство, уехал обратно в Петербург.

К этому времени – Ленинград был уже освобожден – жена приехала в Ленинград. Ну, мы потеряли свою комнату, где жили. Было ужасно трудно. Как-то устроились. Короче говоря, вернулся из Ташкента, работал – здесь организовался уже не по специальности, потом был здесь завод – по специальности – меня туда взяли, и я там с 48 по 84год проработал – 36 лет проработал на заводе "Вибратор".

Завод электроизмерительных приборов: там было 5 разных направлений – 5 разных типов приборов делали. Я был начальником конструкторского бюро одного из этих отделений. У меня в результате моей деятельности: 5 книг, 19 статей, 32 изобретения – авторские св-ва – из них 10 прошли в жизнь – за них получил какие-то деньги, и за книги. Поэтому у меня было – я и 3 сына – надо было сделать 4 квартиры – я сделал 4 квартиры. Вот эта квартира сделана на гонорар от одного изобретения, которое стояло в нашей отрасли, где я работал около 100 лет – с 19-ого в. – только в 56году я решил эту задачу. У меня были как-то американцы – группа – они сказали, что ты за это изобретение у нас получил бы полмиллиона долларов; у нас я не получил полмиллиона долларов, но я получил аванс на эту квартиру: это тоже было очень хорошо, потому что квартиру было сделать сложно. Жена тоже инженер, кстати, она электротехнический кончила [ЛЭТИ]. Она умерла в апреле месяце [2004] –67 лет мы с ней вместе прожили.

Перейдем к следующему поколению. Здетей. Сын старший. Трагедия: вот уже 12 год без почек. Жена вот уже 2-ой год – рак. У него 2 детей: парень и девушка, но младшей уже 29 лет – не замужем, а старший сын вот уже развод и второй [брак] – тоже неблагополучно.

Средний сын женился, уехал в Израиль, вот уже 11 лет в Израиле. В Израиле сейчас там не очень весело. Он инженер, но работает сейчас там дворником, а до этого 10 лет был рабочим. 2 девочки: 20-22 года. Это моя гордость и мое пока что счастье, потому что красивые, хорошие, талантливые девочки. Дай Б-г, чтоб было все хорошо! Жена тоже инженер-химик.

Младший сын. Тоже инженер, причем, крупный инженер. Сейчас он в командировке. Работал 23 года в Норильске. И сейчас его послали в командировку, уже не 1-ый раз, разбирать серьезные дела в огромном металлургическом заводе за Магнитогорском – так что доверяют и всякое такое. У него дочь; у дочери 2-ой муж – тоже не слава богу. 1-ый был официально, этот не официально, но от этого ребенок, ему уже 4 года. Вот вчера они были у меня.

- Вы рассказали о Ваших прадедах, которые приехали в Петербург. Можете рассказать, когда это было примерно?
- Очень быстро, сразу как поступило правительственное распоряжение – по-моему, это 63год, это уже был, по-моему, Александр III; по-моему, в 63 году прадед уже был здесь. Я только не знаю, кто – тот, кто занимался фанерой или тот, кто занимался жестяным производством.
- Откуда они приехали?
- Из Вильно.
- Ваши мать и отец приехали сюда из Вильно?..
- Тоже.
- Почему так получилось?
- Не знаю. Знаю только, что приехали. Причин не знаю. Очевидно, здесь в Петербурге тогда был рынок производства, кустари нужны были, очевидно, и они, очевидно, обладали тем производством, которое здесь было нужно.
- А каким образом они оказались снова в Вильно?
- Понятия не имею.
- Как получилось так, что сначала приехали Ваши предки в Петербург, а потом снова оказались в Вильно?
- Никто не оказался в Вильно.
- Отец и мать, которые оттуда приехали?..
- Они были в Вильно и сюда приехали. Где жил прадед, тот который в 1863 году – этого я не знаю. Я знаю только, что дед и бабка приехали в Петербург. И их сын, мой отец, приехал в Петербург – с деда начиная, прадеда я не знаю. Отец умер в 11-ом г 40-ка с лишним лет, родился он в ... 70-е годы, т.е я не знаю прадеда, приехали дед и бабка. Дед и бабка приехали в Петербург, а дальше здесь родили сына... я не знаю, он родился, очевидно, еще в Вильно – и сюда приехали.
- Ваша мать, Вы сказали работала в...
- В Вильно, здесь она не работала.
- Как они встретились с Вашим отцом?
- Понятия не имею, не рассказывала.
- Старшая сестра родилась в Петербурге в 98году, еще в XIX столетии – значит, они уже до этого были в Петербурге, а когда приехали в Петербург – не знаю. Но старшая сестра 98года родилась в Петербурге. Потом 4-ый год – сестра вторая, Елизавета, а потом 6-ой год – брат, 11-ый год – я.
- Вы сказали, что о родственниках матери Вы ничего не знаете.
- Нет, понятия не имею, только мама. Ни одного не знаю. Знаю только имя отца, потому что она Ревекка Шлемовна – ну, мы звали по-русски, Соломоновна – значит, отца звали Соломон, дальше не знаю.

А моего отца звали Исидор в скобках Соломон, но так как старшие взяли за отчество Соломон, а не Исидор, я стал Исакович (а не Исидорович, вернее было бы Исидорович – Исак – это в скобках). Знаю, что отец был Лазаревич, значит, меня по его отцу называли, по деду называли Лазарем. Это в еврейском мире принято: по деду, по отцу и т.д.

Так что, видите, я мало, что знаю. Мама не рассказывала мне; и так было принято, что и сестры не знали, и я не знал, не спрашивали.

Папа был заготовщик обуви. С ним случилась беда: он пошел в какую-то артель, отнес все, что мог, свое состояние, и артель прогорела, и он разорился. И, как мама мне объясняла, это привело, как мы бы сегодня сказали, к инсульту. Точка.

- О занятиях бабушки что-н знаете?
- Домашние хозяйки. Моя мама уже была не домашняя хозяйка, потому что ей надо было зарабатывать на хлеб: кормить меня и других – пока не стали зарабатывать; вдова в 42года, несчастная женщина. Причем, в ту пору, когда она потеряла мужа, она не имела права – потеряла право жить в Петербурге. В порядке быта. Мы жили в маленькой комнате (вот как та) – жили 5 человек. Каждую неделю приходил околоточный – городской, полицейский данного района – приходил получить взятку. Каждую неделю или месяц – не помню уже. Так она дожила до советской власти, когда ей дали уже эту квартиру. Тоже была очень благородная женщина. У нас были 3 комнаты: жили в 2-х, даже в одной, потому что были тяжелые времена, дров не было, было холодно и в ней никто не жил. И однажды мама шла по улице и видит: на улице прямо сидят пожилой еврей, еврейка и девочка с ними. Ну начинается еврейский разговор: "фон ванен зайтер?" и т.д и т.д – "откуда вы?"; оказывается, бежали от погромов в Беларуси, ночевать негде – так мама их привела домой в эту комнату.
- Когда это было?
- Это было... 30-ый год – я кончил – это было где-то в 27 году. И кончилось это тем, что... Это были провинциальные евреи – евреи тоже бывают разные – это были евреи некультурные, неблагодарные, т.е мы уже комнату потеряли, квартира стала коммунальная. И кончилось это тем, что 2 эти наши комнаты, чтобы мама осталась жива и всякое такое – вели себя нехорошо – вот эта сестра, с которой мы жили, 2-ая сестра – старшая уже была замужем – вот эти 2 комнаты сменяла на одну, темную и страшную, чтобы только спасти маму. Вот так тоже бывает – как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным – потеряли квартиру. Причем, страшным образом – ради благородного дела: мама с улицы привела людей, просто, без прописки, без ничего, а потом они уже без нас прописались и т.д и т.д..Дальше было плохо. Ну, провинциальные евреи – может на лихо взяли. Мы были все-таки евреи, понимаете, столичные; мама имела какое-то... ну, образования у нее не было, но общая такая культура, она была – вежливая женщина, все-таки какие-то языки знала. А это были совершенно чистые провинциалы.
- Вы в Петербурге жили и сказали что этот район еврейский – вокруг синагоги – Садовая. Расскажите поподробнее: как выражалась его еврейскость?
- Еврескость выражалась тем, что, когда я шел, допустим, в школу, жил на канале Грибоедова, 138 и от меня до школы было не так далеко – ну, километр, побольше. И здесь жили... Мало было которые ребята приезжали издалека, пользовались транспортом – было немного, в основном, были так – пешком. В основном, это были ремесленники, мелкие служащие, приказчики, торговцы – вот,

допустим, на том же Покровском рынке было много евреев, но как правило мелкие, на базар; т.е у них был, допустим, ларек – треть этого стола [стол $\sim 1.5\text{м}^2$], четверть даже, понимаете, ну, мелочь – но этого хватало на то, чтобы как-то прокормиться самому. Чтобы был кто-то зажиточный – не знаю. Вот, самый интеллигентный был среди нас... интеллигентная еврейская семья – ну 2 семьи было: во-первых, семья нашего учителя еврейского языка, его сын учился в нашем классе (было 8 мальчиков, 8 девочек); и вот, со мной на парте сидел такой Эммануил Иосифович Китаинов – "Нолик" его звали; его отец был бухгалтером синагоги, входил в Двдцатку... или как это называется? Короче говоря, когда мы кончили школу... этот парень был очень интересный: во-первых, надо сказать, что все, кроме вот этого парня – 15 человек – кончили институт – т.е самые способные среди нас и самые неспособные (– допустим, из 16 человек: один – доктор, профессор, 2 кандидата, на моих изобретениях 2 кандидатские защитили и я сам же консультировал, но мне кандидатская не нужна была, потому что за это время я зарабатывал больше на семью, работая над следующими изобретениями, кандидатскими и книгами; получили государственную премию на моем изобретении, но так как я был еврей без партбилета меня исключили. То же самое было с моим приятелем в 48 году – он из-за этого сошел с ума; и когда я понял, что я попался на том же... я 3 ночи не спал – все-таки обидно потерять государственную – не каждый день приходит хорошая мысль. Эйнштейна как-то спросили: "Как Вы записываете свои мысли? Ведете дневник или картотеку?" Эйнштейн ответил: "Ах что Вы, что Вы, хорошие мысли так редко являются!" То же самое у меня: люди получили государственную премию на задаче, над которой я думал 8 лет, и она была 14-ым вариантом. Я придумал, а люди получили – меня было легко обойти – без билета и, в это время уже, еврея. Поэтому методом йоги я уже занимался – я снял себе стресс и остался живой, а мой приятель погиб, потому что потерял государственную, но я считал, что жизнь дороже, чем государственная. Сейчас по телевизору не бывает месяца, что я бы не видел своих приборов – не бывает месяца, так или иначе.) Мы все 10-ый класс закончили и рассеялись – связи не было, каждый занимался своим делом. Кто был токарем-слесарем, я поступил копировщиком в конструкторский отдел. А что делал этот парень мы не знаем. Он был талантлив во всем гуманитарном. В школе считалось 2 хороших чтеца-декламатора (т.е, знаете, выступали со стихами): так он был на 1-ом месте – я был на 2-ом; он прекрасно выступал. Он ни черта не понимал в математике и в физике: когда в 9-ом классе его спросили (Эммануил, его звали "Нолик"): "Сторона куба равна a . Сколько будет объем?" Подумал, подумал, сказал: " a^3 " "Ну, а если $a/2$?" – он уже не сказал. Но! Единственный, который знал в ту пору иврит! Понимаете. Хорошо был по русскому, писал, всякое такое. О нем мы вспомнили...ну, как-то рассеянно были, каждый занимался своим, в институт готовились. И вот в 34-ом году, 1-ого декабря убили Кирова; на завтра, 2-ого, вышла газета: расстреляли – в порядке отместки – первых 16 человек – и среди них был он. Как он попал туда?! Потом мы стали исследовать. Ходили слухи, что он занимался где-то в библиотеке или что-то... И мы предположили, что, очевидно, он был связан с книгами: очевидно, передавал или сохранял запрещенные книги и т.п – короче, к этому моменту он сидел, и взяли первых попавшихся, вот, расстреляли; совершенно невинный человек, причем, по своим... по поведению он был святым, он был не от мира сего. Так вот, понимаете, его родители были мне благодарны, потому что я с ним

долго возился: знаете ребята же жестокие – с ним выделяли всякие штуки. Однажды его посадили на шкаф во время перемены большой, низкий шкаф был такой, посадили его – он сидел. Приходит учитель, он сидит на шкафу, слезть не может. Другой раз в мусорную коробку... коробки были... в коробку посадили – сидит. С ним выделяли разные штуки – вот, я его все время выручал в разных положениях. Его мать была мне очень благодарна. Но вот, не уследил – надо было общаться с ним! Не общались.

Остались живы, мне по крайней мере известны только двое – вот эта девушка (фото) Ева. Ваш покорный слуга рядом сидит. Вот этот получил премию министерства. Вот эта девочка вместе с семьей приехала из Польши.

Густое сосредоточение вокруг синагоги, вокруг нашей школы, рынка, на рынке было много евреев – на Покровском, на Александровском рынке. Но богатых среди них не было – мне были неизвестны, по кр мере.

- Т.е это был такой район бедноты, хоть и еврейской.
- Кустарный, мелкие служащие, приказчики, торговые работники, снабженческие работники; музыкантов тоже было мало – в общем, интеллигентного народу было мало, в основном, такая вот публика. Это было то поколение, до... скажем, до 30-ых годов, 20-ых – потом уже люди стали выходить, начали образование получать – я уже говорил: все наши школьники получили образование.
- Именно с них начиналась ассимиляция или это было еще раньше?..
- В наше время ассимиляции еще не было. Все мои... из наших 16 человек женились (или) вышли замуж за русских: осталась вдова, украинка, я с ней говорил позавчера, от одного парня, тоже кандидат... какой-то –зон – больше я не знаю.
- А сами люди? По одежде – специфически одевались?
- Ноль. Наше поколение было ноль.
- А до?
- До поколение – очень мало. Не сказывалось. Еврейские лапсердаки, все такое не было. Больше было бородатых. Когда я шел на учебу... как вы знаете, есть 3 молитв: минхэ, майрэв, и т.д; короче, всегда шли молиться люди со свертками, со свертками: с талесом, всякое такое. Мы шли в школу, они – в синагогу; не так много, но во всяком случае, 2-3, 4 человека каждый день встречал.
- Но они были светски одеты?
- Абсолютно. Никаких еврейских специальных – ничего не было.
- А ваша школа была с религиозным аспектом?
- Ноль. Обыкновенная школа, только еврейские ребята.
- Т.е там именно национальный признак играл роль?
- У нас еврейский язык был так же как предмет любой другой – как немецкий, как география, как математика. Но со мной, дважды даже, говорили профессора – со мной как с необычным явлением. По еврейски я читал – алфавит я знаю (ну, был понятно идиш – жаргон, иврит – мы понятия не имели). Т.е я сейчас по-еврейски читаю по складам (по английски – гораздо лучше) пишу – совершенно свободно! Т.е 5 раз – нет – 4 раза, вру, 4 раза ко мне соседи приходили, из соседних домов, давали мне письма по-русски, я их переводил на еврейский, отсылал в Америку – и оттуда присылали письма – значит, понимают; совершенно свободно пишу. В школе было 200 учеников, сколько-то преподавателей, не помню точно – надо посчитать – и русские были только 2 уборщицы.
- Как преподавание велось в школе? Ну, например, телесные наказания применялись?
- Упаси Б-г! У нас были идеальные преподаватели: каждый был личностью и большим человеком – о каждом можно писать очерк.

Изумительные люди все были. Ну, достаточно сказать – наша немка: она знала 7 языков.

- Как ее звали?
- Анна Осиповна Пинскер. Каждый из них свой предмет знал, поэтому все 15 человек, даже самые беспокойные, прошли в институты, и кончили, и стали, кто как, ну, большинство инженеры, один был геолог, метеоролог – ну, разные были.
- Воспитали...
- Воспитали – идеально; и все были порядочными людьми, ни один за всю жизнь (умерли почти все) не нарушил, ни один не был отмечен никакими преступлениями: ни за хулиганство, ни тюрьма – ничего, никак. И даже избежали лагерей – вот это было удивительно; потому что все в 37-ом году... пострадали очень многие, но из наших, тьфу-тьфу, никто. В армии было несколько человек – погиб один из наших, из нашей шк. Один известный шахматист... Вообще в шк был один – на 2- на 3 класса старше – известный в Петербурге шахматист: с Ботвиником играл – такой Чаховер известный, это Имя в шахматном мире было. Я не защитил кандидатской, мне это было не нужно, может, это я ошибся, но я себя считаю не меньше ребят. Вот, допустим, защитили – один был доктор, 2 кандидата: никаких книг, никаких... только те статьи, которые нужны были для кандидатской. А у меня книги, и статьи, и изобретения – десятки. Так что, как считать: я вот, например, я считаю, что не меньше, а даже больше – потому что столько изобретений, значит, что-то новенькое.
- Когда Вы росли, в этой атмосфере [еврейской], приходилось Вам встречаться с нееврейским городом? Выходили их этого квартала?
- Я переезжал из квартиры на квартиру, начиная с рождения 8 или 9 квартирах жил: родился я на Васильевском острове, на Большом проспекте, не знаю только, где мраморную доску повесить; потом жил около синагоги, на кан Грибоедова, потом жил на Большой Морской – мало что! Вот этот кооператив организовал я; мы были 6-ой кооператив в городе, я этот кооператив организовал за 2 года до указа Хрущева о строительстве этих домов – я уже организовал на работе этот кооператив – тут большинство наших, заводских. В разных местах жил. Вот, допустим, у меня одним из моих благодетелей, в жизни это нечасто бывает, поэтому помню, когда я работал в Ленэнерго после института, я имел диплом с отличием, красный диплом (я был отличником) – этот диплом позволял, в отличие от других, право выбора: всех направляли после института, а те, кто получали диплом с отличием, те имели преимущество - имели право выбора, поэтому некоторых наших ребят посылали в другие города, а я – куда хотел. Я поступил в Ленэнерго; там не было службы измерений, получил службу автоматики; рассказывал Вам уже, что туда же пришла жена – мы поженились. Поженились, и у нас родился сын; с Ленэнерго нам дали с женой комнату, 5.5 м. И мне удалось там, в этих 5.5 метрах поместить диван, письменный стол большой, шкаф и 2 кресла... нет, кресло и тумбочку – ну, не важно! Я ездил в мебельный магазин 3 раза, чтобы точно замерить – у меня шкаф прошел с точностью до 1.5 сантиметров – я вычислил все совершенно точно: я провел и у меня по плану получалось, что должно пройти – прошло; ко мне со всей лестницы спускались и смотрели, как у меня это вместились: там же, в 5-метровках, ни черта не получалось. Когда жене... когда ее живот уже не помещался между диваном, шкафом и столом, главный инженер Ленэнерго, Сергей Михайлович Пусин, дай Б-г светлой памяти, он никакого права не имел – это ж было государственное – он нам отдал эту комнату. Ну а раз она своя – это другое дело: могли

поменять. Поменяли, на комнату на 12м с лишним – легче жить уже с ребенком (ребенок родился, все). И оттуда уже я уехал, жена раньше, я рассказывал, уехала – мое умное дело, я Вам рассказывал – жена раньше уехала в Ташкент – сперва за город, потом – в Ташкент. А потом я к ней приехал. Причем это пропало. Я вышел, бросил ключ в и уехал, а когда приехал, уже понятно, уже в свою комнату не мог попасть. Так что, таки был благодетель, такой тоже случай был. Есть 2 случая таких: генерал, который мне помог в институт поступить (но вся эта одежда, все это - мне не дал, ничего, ни носочка, ни брюк, ни костюма – ничего: поступил в институт – все, получил благодарность гораздо больше, спасибо ему) – и вот главный инженер Ленэнерго мне сделал такое большое дело: подарил эту комнату. А в этой квартире были еще комнаты: большая – там большая семья жила знакомого, тоже приятеля; это была Ленэнерго комната – он не мог ее менять, советский гражданин.

- Вы даже и в синагогу не ходили?
- Нет, практически, никто. Мы, мальчишки, бегали в синагогу, особенно в Симхас Тойре, потому что в Симхас Тойре давали подарки, и мы соревновались: кто получит больше подарков, а так как я был на костыле, меня жалели больше, и я приносил больше подарков, и очень гордился этим; разные там давали: конфетки, шоколадки, даже шоколадки нет – конфетки, в основном, пряники, конфетки, но это было не столько ради конфеток, сколько так, спортивный интерес. Мальчишки же были 14, 12 лет.
- А когда в синагогу бегали, видели там религиозных людей?
- 100%! Очень много! Причем, должен Вам отметить, когда мы ходили вот в эту хоральную... в ту пору было 3 синагоги: хоральная, слева – синагога хасидов, сейчас она называется малая, справа, в самом здании синагоги, на втором этаже, была синагога (внутри большой хоральной синагоги) была синагога миснагдим; так вот моя мама принадлежала к миснагдим как раз, я тоже миснагид. И мама ходила в синагогу, я ей приносил что-то покушать. Так вот во время войны туда попала бомба, 250 кг. И вот сейчас сделали ремонт, я хочу поехать и посмотреть, думаю, что справа эту синагогу миснагдим не восстановили. Восстановили только центральную и левую синагогу. В центральной синагоге первые ряды, рядов 20, были места для гвирим, т.е для богачей; у них были талесы обшитые золотом и серебром. Эти первые ряды, это было что Вы! Туда сесть – это было невозможно: покупались на год, как в филармонию, причем, было дорого – я не знаю, сколько, не могу сказать, но было дорого – поэтому в первых рядах были богачи Петербурга! Тогда в Петербурге... не знаю, сколько тогда было евреев, перед перестройкой Горбачева в Петербурге было 220 000 – тогда было еще больше. А потом уже были места тра-та-та: все меньше и меньше – и кроме того, были просто стоящие; у меня – понятно; брат не ходил в синагогу, мама ходила в свою, сестры не ходили, а я ходил как мальчишка со школы...
- В хоральную?
- Да. Теперь, я Вам говорил, что брат пел в хоре. Этот же хор пел и в Мариинском театре; он не учился, голос у него был одно время, но, поскольку он не занимался, голос пропал. Сесть вообще, было трудно. Поэтому, если я был, то, понятно, в толпе стоящих. Синагога была полна. Однажды в синагогу пришел Шаляпин. Да, в синагоге наверху пел хор мальчиков и был орган. Этот орган считался одним из 3-х лучших в России. Потом он погиб. И хор мальчиков погиб – сейчас же там никто не поет, у них, по моему, так это... Так однажды, этому я не был свидетелем – мне просто рассказывали, что пришел Шаляпин. Так было такое

столпотворение, что сломали вот эти колонны – они ж гипсовые – у входа в главный зал; из холла, когда идешь, там первые стеклянные двери – справа и слева колонны, такие небольшие колонны, метра 2 – вот их сломали к чертовой бабушке – толпа была огромная. Так что народу было великое множество, на праздники было великое множество: синагога была полна 100%-но, все, все в синагоге – и хасидская и миснагидская были полны 100%-но.

- Друг с другом они не ссорились?
- Никогда. Я не помню, чтоб там было хоть одно какое-нибудь пререкание. Однажды за всю жизнь мою, однажды, мальчишкой был, и мне, на костыле, дали нести Тору – и я тоже прошел, и прикасались люди, целовали. Такой случай тоже был.
- Сколько ж Вам лет было?
- Мне тогда было лет 12, что-н такое.
- А бар-мицва у Вас была?
- Бар-мицвы как праздничной не было, но был интересный случай. В городе были – и сейчас есть – домашние синагоги, т.е люди, евреи, верующие собираются в какой-то квартире. И вот однажды мама меня послала за каким-то делом в какую-то квартиру – по какому-то делу. (В разные места она посылала: курицу зарезать к шойхету, или как это... к резнику – другие были посылки.) Помню, где-то в р-не Садовой, большая квартира, я пришел – люди, как сонные мухи, бродят по квартире, а у меня день рождения в Мае, а это было уже лето: июнь или что-то такое – и вот я пришел, и евреи сразу ко мне: "Мальчик! Сколько тебе лет?" "О-о-о!!!" – они сразу загалдели – я был 10-ый – миньян – и стали молиться. Пришел 10-ый – 10-ый еврей-мальчик. Такое тоже было.
- Это, практически Б-г послал!
- Б-г послал, им послал: собрались и не могут молиться. А тут мальчик: "Сколько тебе лет?" "13"
- Два правнука: один уже половинка, другой – четвертушка.
- Они собираются как-то связывать свою жизнь с еврейством?
- Никто ничего... Единственное! Единственное, что сын старшего сына – то есть мой внук – старший, Даниил, он, вообще говоря, менеджер, зарабатывает на... всякие рынки снабжает продукцией, неплохо зарабатывает, всякое такое, короче говоря, он сейчас организовал изготовление мацы где-то в пригороде Петербурга, кажется, в Пушкине. И он даже сейчас изготавливает мацу. Вот он мне в прошлом году принес 2килограмма мацы, могу Вас угостить.

-

Фотографии.

№1

Это моя жена. Фотография до свадьбы или после свадьбы, здесь нету даты, но где-то около. Ну, что моя жена? Она немного моложе меня: она 12года, я –11. Инженер. Трое детей – свой жизненный долг выполнила. Единственная к ней претензия, что, я говорил, в семье раньше уходит мужчина, а в нашей семье она умерла раньше меня. Два года назад. Для меня это самая большая в жизни потеря – она была очень хорошая. Очень трудолюбивая. Она кончила Электротехнический.

- А какой факультет? Кто была по профессии?
- Электротехнический факультет, инженер-электрик.
- Мы с ней познакомились на работе. Ну, она видит, понимаете, что с таким ухажором как я долго возиться. Поэтому в один прекрасный вечер в 12ом часу – а я в 11уже ложился – звонок в дверь. Была коммунальная квартира: вдвоем с семьей жили – у меня была отдельная комната, 8,5метров. Значит, в 12ом часу звонок, он открыл – и приходит она. (Жена.) Она видит, что с этим идиотом

разговаривать много нечего – разделась и легла в постель. И этого хватило на 66лет, без всяких яких. Без предварительных длительных ухаживаний и всякое такое. Потому что она понимала, что с этим идиотом иначе нельзя. Ну, мы 66лет прожили очень хорошо. Один недостаток: раньше меня ушла – 2года назад; женщины же уходят позже.

Понимаете, нет худа без добра. Ногу я потерял в 8лет. Так Вы в своей жизни видели человека, который в 95лет не чувствует сердца? Ноль! Как в 18лет! Сердцу легче работать. Т.е как, мускулатура – целой ноги нет, поэтому сердце у меня как у юноши. А мне уже 95. Абсолютно не чувствую: ни в бане – я сижу в парилке сколько хотите, при высокой температуре, ради бога.

- [...]

- Она, понимаете, умница... Так получилось, что ее сестра, Ида, она инженер-геолог, и они были на какой-то геологической станции за Ленинградом. И когда началась война, она поехала к ней [жена – к своей сестре]. (Мне удалось ее через блокаду и через все отправить к сестре.) А так как сестра такая не очень активная, а жена была очень активная, реалистически мыслящая женщина, она сестру и всю ее семью перетащила в Ташкент. Там она устроилась в техникуме преподавателем, приобрела там как-то комнату. И вот мы прожили. И я потом уже отсюда выехал в 42году, в феврале, месяц был в дороге, и в марте 42приехал в Ташкент. А уже в 46году вернулись обратно.

- Они уехали как в эвакуацию или просто уехали раньше.

- Сестра уехала раньше – в геологической экспедиции. Оттуда она рванула в Ташкент – там были какие-то знакомые или что – было за что зацепиться. А жена уже прямо поехала в Ташкент. Со старшим сыном – был сын тогда один. А уже в Ташкенте появился средний, а уже вернувшись обратно, уже здесь, в Петербурге [Ленинграде] – третий. Абортов она не признавала. Такой у нее характер, такие силы были. Поэтому у всех один ребенок, а у нас трое детей. Она очень любила детей и посвятила им жизнь.

- Вы не сказали, по-моему, как ее звали?

- Геде. Геде Израилевна.

- Что-то еще о ней можете рассказать? Вы когда ее узнали, она была уже взрослым человеком...

- 26 лет

- а ее семья?

- У нее сестры: младше нее и старше – она средняя.

- Ида, да?

- Ида, младшая, вот она еще жива. Старшая ушла, Элла, Эля.

- Еврейская семья была, да?

- Еврейская.

- А отца, мать знали ее?

- Ну, как же!

- То есть вместе жили они, да?

- Да. То есть отца не знал! Мать знал. Общались. Но она редко здесь была – в основном, у них. А отец умер раньше. А мать была очень такая сильная женщина. Самостоятельная, строгая. И соответственно воспитала дочек.

- Хорошая семья была, да?

- Но без мужчины. Потом уже пришли мужья детей, это другое дело.

- Ну мать вашей жены, она религиозная была женщина?

- Ну, нет. Активно еврейского в ней ничего не было.

- Интеллигентная семья?

- Средне. Культура средняя. И моя жена тоже: не начитанная, ничего так, средне. Желательно бы гораздо больше. Там больше –

жизненным процессом, чтение для них было не главное. Поэтому я не могу сказать, что жена много читала. Но она умница, хороший специалист была; со своими обязанностями матери и жены она справлялась идеально.

- А она из Петербурга была?
- Нет, они приехали, но откуда не помню.
- А что за снимок? Где, когда снят?
- Не знаю, студийный снимок. По какому поводу она снималась не знаю. Какая-то неформальная фотография: не для паспорта.
- Она очень красивая...
- Она очень красивая была, правильное лицо. И так сохранилось надолго. Это не главное. При длительных отношениях имеют значение характер и личность, а красота...сегодня есть, завтра нет. Так она на лицо была интересная, а фигура – нет, фигура была солдатская. Но я это как-то не очень наблюдал, замечал.
- №2
- Это моя сестра. Старше меня на 8 лет. Она в 12 лет упала и перестала расти. Маленький горбик. Характер трудный. Замуж не вышла. Но она была порядочным человеком; и дети остались круглыми сиротами, она взяла над ними шефство и в эвакуацию с ними поехала, потом вернулась и т.д. Но своей личной жизни у нее не было. В конце концов она попала в больницу и в один прекрасный день мне позвонили и говорят, что она умерла. Я ее похоронил – рядом с могилой отца.
- Когда это было?
- Ей было 72 года, а она 1903, значит, в 75году...
- Как ее звали?
- Елизавета. Вообще отца звали Исидор, а в скобках Исаак, но так как я был младший, а старшие взяли Исаак, то я стал не Исидоровичем, а Исааковичем. Это было такое двойное имя. Исаак был как раз в скобках – первое имя было Исидор, но им не понравилось, старшим, им понравилось Исааковичами – ну, пожалуйста, я тоже стал Исааковичем. Ну, жизнь у нее, понятное дело, несчастная: с 12лет горб, мужчин не было, отсюда характер трудный; у нее подруг было мало, были, но мало. А мужчин – не помню, чтобы рядом с ней – мужчина, не помню. По-моему, она так и не знала мужчин.
- А все дети в Петербурге родились?
- Да.
- А во время войны где она была?
- Во время войны она уехала на Урал с двумя вот этими племянницами. Я уехал к семье – у меня уже был сын, семья была уже там, в Ташкенте, я уехал туда – а они после меня уехали на Урал, потом вернулись.
- И из эвакуации она вернулась?
- Да, сюда в Петербург, в квартиру.
- Кем она работала?
- Бухгалтером.
- Она для этого какое-то образование получала?
- Где-то что-то было, я даже не знаю, по-моему, нет. По-моему так выросла – образование не получили, никто кроме меня не получил даже среднего образования. У меня 2сестры и 1брат – среднего образования не получили. Я с братом 3года разговаривал, чтобы кончил хоть среднюю школу, и не говоря уже о высшей – нет. 2года. Ну, читать, писать он умел. А читали мало. Вот она читала порядком. Старшая не читала – очень мало – брат не читал. Брат был немножко фатоватый: для него важно было иметь 2костюма на каждый сезон – рабочий и выходной – это он соблюдал, так

эффектно. Тогда как я был, мягко говоря, небогатый и круглый год носил 1 костюм. Ну вот, а учиться не хотел, как я его ни уговаривал: Згода – потом бросил уговаривать – так у него 2 класса. И при 2 классах он был старшим бухгалтером – под ним было бчеловек – на Кировском заводе! Кировстрой. То есть принципиально он вероятно был способнее меня – учился бы, достиг бы каких-то высот... не знаю, не хотел учиться. Для него важно было так это... немножко фатоватый. Одеться, компания. А учиться не хотел – я от него отстал в конце концов. Учиться он не любил. И ничего не любил: читал мало... Вот эта старшая сестра тоже очень мало читала, а Лиза читала много, она начитанная была женщина, читала порядком...

- Она по-русски же читала?
 - Да, да, иностранных языков никто не знал.
 - А на идиш?
 - Господь с Вами! Они, по-моему азбуки не знали никто.
 - Вот у брата 2 класса, а Лиза, она училась вообще в школе?
 - Нет, не училась, по-моему, не помню. И старшие не учились, не хотели. Для меня учеба была главное. Ну, семья была не богатая, но не голодали. Мать была кустарем, торговкой одно время – НЭПа пока не прикрыли – так, жили средне. Потом у старшей появился мужчина, потом они уехали. У нас было 3 комнаты, они жили в одной комнате, спали; потом приобрели свою комнату.
- А эта так, по-моему и умерла девушкой.
- А она ведь намного старше Вас, Вы когда уже в школу пошли, она чем занималась? Работала?
 - Работала. Счетоводом, в зберкассе работала.
 - Елена ее звали, да?
 - Да. Лена.
 - Сколько ей здесь лет примерно?
 - Понятия не имею. Здесь написано: “Старшая сестра Елена. 28 примерно” – я когда-то записал. Вот она вышла замуж, муж у нее был хороший такой евреец. Причем, ни у одного из родственников он не был. Ни разу. Ни у нас – я жил с мамой, с сестрой – ни у кого. Был механик по швейным и пишущим машинкам. Неплохо зарабатывал, но так, абсолютно некультурный был. Я его ни разу не видел с книгой, ну и ее тоже – в конце концов. Она ушла из дома – и все, больше не видели. Она ни разу у нас не была. К ней ходил, многократно был у нее: не знаю – 20 раз, больше. Муж ее ни у кого не был. Почему, не знаю; такой характер.
 - Как его звали?
 - Арон. Арон Михайлович Суст. Что такое “сус” на иврите знаете?
 - “Лошадь”
 - А это Суст. Она была домохозяйка и все, больше ничего. Не работала. Хорошая жена, хорошая мать. Не знаю. В блокаду ушла.
 - А муж ее до войны дожил?
 - Раньше ушел. Когда Арон ушел, ей богу не помню. До войны, по-моему, не дожил. Не помню.
 - А она погибла ведь при обстреле в Ленинграде, да?
 - Да, в 42 году.
 - А похороны во время блокады?..
 - Кремировали... Но ее не кремировали, ее подхоронили. К могиле папы.
 - Как и младшую потом, да?
 - Младшую уже кремировали... А-ай!.. обычная еврейская семья... К сожалению, без отца, отца я не знаю. Меня это всегда в жизни огорчало.
 - А могила его где? На каком кладбище?

- На нашем, Преображенском. Еврейском.
- Может быть знаете, его по еврейскому обряду хоронили?
- Понятия не имею. Мать никогда не рассказывала ничего. Так около него, значит, похоронили – сестра старшая.
- А тогда, когда старшую хоронили, там был обряд?
- Нет, обрядов не было. Еврейских обрядов не было. Даже меня огорчает то, что, когда хоронили, никто слова не сказал. Молча весь процесс прошел. Меня огорчает, почему я не сказал пару слов. Думал, что кто-то скажет что-то, потом уже понесли, уже что ж говорить – нечего. Она была нормальная женщина, так, хозяйка домашняя. Малокультурная, неначитанная, но была очень любящая мать и хорошая жена. В ее круге, в ее время это считалось, как математики говорят “необходимо и достаточно”. Готовила хорошо. Больше ничего. Но вот она ушла из дома – и больше у нас ни разу не была. Чтобы посетить мать, допустим, придти к матери, с чем... с яблоком. Нет, ни разу. И развитие разное, я ж вам говорю, что я один только получил среднее образование. Читать, писать – считали, что достаточно. А я единственный, кто стремился образование получить: сначала среднее, потом высшее – и т.д. Но тоже недостаток: у меня 10-ки изобретений, все – кандидатскую не защитил. Меня до сих пор упрекает один младший товарищ. Почему? Очень просто: мне надо было семью содержать 5 человек, а чтобы сделать кандидатскую хоть полтора года надо так, заняться активно. Много моих изобретений и книги, но кандидатская это, так сказать, заметно. А для себя это, так, успокаивает. Короче, это одна из ошибок жизни. Потому что мне защитить кандидатскую было нетрудно – на моих изобретениях это не проблема. Но... Семья сам пять. И квартиру надо было сделать, и сыну...
- А ваша сестра совсем не работала?
- Совсем.
- Вы говорили, что во время войны она устроилась на Кировский завод, чтобы получить карточки.
- Это уже во время войны она работала. Ее подстрелили где-то там... на какой улице я уже забыл. Ну, тогда ж без карточек нельзя было, что?.. 42года, ну что это? 42года...
- А сколько ей было лет, когда замуж вышла?
- Не помню.. 20 с чем-то.
- Т.е на фотографии она уже замужем?
- Да.
- А фамилию она взяла мужа?
- Да, Суст. Она не училась, не читала, такая еврейская мещаночка. Жена и хозяйка. Мать.
- А это, я так понимаю, ее дочка. №4 - ?
- Это дочка. Ее звали Верочка. Старшая. Что я начирикал здесь? “1930год, май”. Видите, совсем маленькая девочка.
- Какого она года?
- По-моему 28.
- А родилась здесь?
- Да, в Петербурге. Вот судьба: бросилась под поезд – ни мало ни много.
- Сколько ей было? Уже после войны?
- Да, да. Причем месяц она лежала с головой в больнице – значит, что-то с головой было не в порядке. В каком-то приступе совершилась такая беда. Меня вот эта сестра, Лиза, убила прямо: вечером звонит, вот так и так. Господи, а я сижу вот здесь, слова сказать не могу. Бросилась под поезд.
- №5 В каждой семье свое. Вот тоже судьба трагическая. Способный человекТри войны и два года тюрьмы и лагерей. За что? За ерунду

собачью – в советское время. За то что не так оформил домработницу – ай-ай-ай! 2года. Его сотоварищ, с которым они эту мастерскую держали – мастерская: одна машина – вся мастерская – удрал в Китай с семьей и больше известий нету. А этот 2года отсидел. Тоже для меня одно из жизненных огорчений, то, что уже не вернешь. Он в тюрьме, в лагере – год в тюрьме, год в лагере – я ему ничего не посылал. Почему? А черт его знает. Был студентом. Ну, был бедным, все такое, но посылку-то сообразить мог!

- А туда можно было послать что-то?
- Ну, а почему нет? Посылали... Он не подсказал, ничего никак. Надо было послать и папирос побольше, там бы менял как-то... Не сообразил. Ни мама не подсказала, ни сестры, никто. Как чужие, понимаете. У него своя судьба, у меня своя, это ж неправильно. До сих пор меня мучает. Это моя беда в жизни. Это не ошибка, это на грани преступления...
- Ну, а потом? И Вера и он, я так понимаю, еще долго прожили после этого...
- Да, господи! Он работал бухгалтером – без образования, среднего образования не имел, но способный человек. Кончил какие-то бухгалтерские курсы. Кировский завод – это город целый. И при Кировском заводе была строительная организация, которая строила Кировский завод, т.е. очередные корпуса и т.д и т.п. И вот в этом Кировстрое была бухгалтерия, где он был старшим бухгалтером. Я, допустим, считаю, что он был способнее меня, если б учился, так он бы достиг большего... Здесь еще в волосах – он первый облысел, совершенно, совершенно – ну, так, видите, фатоватый немножко: платочек, костюм, все – это он очень наблюдал. Я говорил, что у меня был один костюм на круглый год, а у него было несколько костюмов на один сезон. Здесь еще волосатый, а потом совершенно облысел – лет в 28. Здесь помоложе, значит, 20 с чем-то. Но вот учиться не хотел, почему? Вы понимаете, евреи, как раз склонны к учебе, евреи потому и евреи, что они всю жизнь учились, все поколения – потому-то они остались великим народом, потому что они всегда учились – чему учились – это второй вопрос. Библия, талмуд или светские науки – но всегда учились. Вот понимаете, у меня в институте сколько евреев. Кто мог, тот учился; если нет, то стремился к учебе. О чем говорить?! Вот наша еврейская школа, еврейская 5ая национальная школа, мой класс, 16человек, все получили высшее образование. 8мальчиков, 8девочек – все учились. Само собой разумеется, как это не учиться? О чем разговор? Еврейский парень, девочка должен учиться. Не хотел учиться. 2года, читать и писать умел.

Еще одна беда – самая главная: 5абортов. Почему аборт? Очень просто. Нет комнаты; значит свою комнату приличную, было барахло какое-то – надо приличную. Получили комнату – нельзя, потому что нет мебели, значит, надо сделать мебель. Мебель же не сама по себе, надо ж ее заполнить. У меня несколько рубашек – и до сих пор не слишком много. У него была вот такая стопка рубашек. Когда потом война была, эвакуация, все такое – надел, вот такая стопка рубашек у него была: на все сезоны и в разных вариантах, понимаете. Потом надо заполнить такими вещами как хрусталь и так далее – всякая ерунда собачья. И после 5абортов наконец решили, можно делать ребенка, а уже не получается. Семья, когда живут только вдвоем, я не называю семьей, люди живут ради себя, ради совместной примитивной жизни. Семья начинается когда есть ребенок. У них нет. У меня трое детей, у него 5абортов. Поэтому они свои жизни, как я считаю, профукали. Понимаете, есть в жизни что-то главное, есть второстепенное. Бог так

устроил, что должно быть наследие: должна быть семья. Больше того, если не получается семья, ребенок все равно должен быть...

- А как между вами и братом отношения складывались?
- Не ахти. Не было холодных. Но, понимаете, он ко мне относился плохо.
- Почему?
- Очень просто: у меня 3 детей, у него 5 абортотворцев; у меня высшее образование, у него 2 класса; у меня изобретения... Я сделал однажды большую ошибку – моя близкая приятельница меня ругала потом, когда я ей сказал: что, говорит ты не понимал, это понятно, это глупость твоя. Вышла моя книга – вот она стоит там – альбом; 4 человека: мой учитель, завкафедрой и нас 3 человека – 4 автора всего. Я взял эту книгу и подарил брату, сделал надпись, как положено: “дорогому брату от соавтора” – для меня это было естественно. Для него это было – несчастье. Человек, который в жизни не напечатал ни одного слова за своей фамилией – чтобы брат имел бы книгу... В жизни, понимаете, так: если Михал Семенович Дудников, где-то в Новосибирске, сделал крупную работу, получил миллион – это хоть бы хны. Но если это брат, это удар, удар по самолюбию. Я для него был ненавистен, вплоть до того, что я приходил к нему, он уходил, якобы за мороженым – но больше не приходил. Когда я уходил, она, очевидно, ему сигналила светом, что я уже ушел. Вот такие отношения с братом. Он мне не мог простить моего успеха, причем, я же уговаривал его, хоть среднее образование кончи, уж не говорю высшее. Про себя думал, что он получит среднее образование, пойдет в институт – дудки. А был способным человеком. Был старшим бухгалтером, неплохо зарабатывал. Ну, ничего. И я уже не приходил больше.
- А когда эта фотография сделана?
- Не помню. Здесь ему лет 25, не знаю. Видите, как он гордится костюмом; часы показать, платочек. Для него все это было очень важно.
- А где эта фотография сделана?
- Здесь, в Петербурге, в Ленинграде.
- Я имею в виду обстановку..
- А, нет, это фотография, очевидно, студия. Хорошая фотография.
- Чем он во время войны занимался?
- Он служил в армии. У него было 3 войны и 2 года лагерей и тюрьмы. На Дальнем Востоке у него была война, большая война. Еще какая-то война была: монгольская или что там...
- А когда? Дальний Восток это какое время?
- Ну, когда, когда там была война.
- Перед Второй Мировой?
- Да
- И Монголия?
- И потом была война с Монголией. Тоже там чего-то такое было. 3 войны у него там было на Востоке. Потом он приехал сюда.
- Когда началась ВМ, он все так же воевал на Дальнем Востоке или?..
- Нет, он здесь был.
- Но тоже в армии?
- Да.
- А на каком фронте?
- Ну, воевал, не знаю, где он был. Причем, он, по-моему, лейтенантом был, не знаю.
- Как его звали?
- Соломон. Относительно недавно умер. Ко мне не приходил. [...] Типичный фат. Так, вечеринка, дешевые отношения... Но я не знаю его отношения с женщинами, чтобы он, как говорится, ухлестывал,

не знаю. Кроме жены, не знаю. Может быть, я как младший брат, или может быть он себя осторожно вел, но я не наблюдал.

- А с женой его общались? Получалось так, что вы больше с ней общаетесь, чем с ним?
- Нет, это нельзя сказать. Хотя я был у них, они были вместе. Как ее звали, не помню. Чистокровная еврейка была: отец и мать евреи.
- Т.е он вращался в еврейской компании?
- Где он вращался, я не знаю, но учиться он не хотел, понимаете? Работал он честно – если был старшим бухгалтером, то работал, значит, честно. Фатоватый был, любил одеться, любил компанию, причем дешевое такое: я не помню среди его товарищей и подруг какую-нибудь заметную личность – чтобы был какой-нибудь еврейский интеллигент типичный, нет. Такая среда, где были модны тогда – сейчас это не так – вечеринки. Вот они собирались на вечеринки...
- А вечеринки – это когда было?
- Ну, это 20-е годы, это было очень модно. Что вы?! Каждую неделю где-то у кого-то собирались. Жили не очень богато, но... Это веселило и составляло определенный круг. Это было хорошо – такое общение было: и общались вместе, и знакомились, и женились.
- А вы там были?
- Нет, я был тогда для этого еще маленький, меня не приглашали. У нас они не устраивали. Мама моя сделала хорошее дело. Мы жили в трехкомнатной квартире, было тогда бедно, отопления не было, короче, мы жили в одной маленькой комнате рядом с кухней, и кухня. Большая комната была то, что называется холодная. Вот когда сестра вышла замуж, муж приехал, в этой комнате они жили. Потом уехали. И была еще Зя комната, пустая, холодная. Там барахло всякое было семейное. И вот моя дорогая мама шла по Канонерской улице, есть такая, и видит прямо на панели сидит старая еврейка с ребенком. Мама, понятно остановилась, по еврейски: “вос махтн? Фун ванен?” – и т.д и т.д. Выяснилось, что они приехали откуда-то из Белоруссии, все, и бедствуют; и вот сейчас дочь пошла куда-то, может быть где-нибудь ее пристроят переночевать, а у нас пустая комната. Так что моя мать сделала? Она взяла эту женщину, привела ее домой и отдала ей эту комнату. Святая женщина. Потом пришла ее дочь, их было трое, а потом появился еще сын – четверо. Значит, в маленькой комнате 20*8,5м жило 4 человека. Эта была типичная еврейская провинциальная, жидовская семья. Ну, не будем говорить – это было святое дело, но для нашей семьи это была, если не трагедия, то большое неудобство. Ну, они так и остались в этой комнате. Понимаете, отдать комнату, и в то время и в наше время, это, сказать великое дело, это ничего не сказать. Причем, жили они неаккуратно, по-провинциальному. Когда открываешь там, идешь, открывают комнату – запах и всякое такое. Сделала святое дело – на том свете ей 40 грехов простится. Я, понятно, был маленький, никто меня не спрашивал; сестра или брат тоже не спрашивали – думали, что временно или что – нет, так и остались.
- Их просто никто не выгонял или что?
- Они стали жить, мама подарила им комнату. Мама была порядочная еврейка: что могла – делала хорошо. Правда, без образования, без ничего, но... Сама читала, но уже к старым годам забыла и немецкий и французский.
- А родной язык у нее был русский или... идиш, может быть?
- Идиш? Она со мной говорила больше идиш. Я вам говорил, что она мне по-еврейски, а я ей по-русски отвечал. Нормальная еврейка, прекрасно готовила – кулинарка была еврейская. Я считаю, что

после нее я рыбы фаршированной не ел. Прекрасно готовила. Но что она могла делать? Без образования? Она торговала на рынке, пока разрешали: всякое такое, галантерея – маленькое такое место. Брат тоже, вместо того, чтобы учиться, занялся торговлей, покак НЭП не прижали.

- Фотография №6. Вера. Сколько ей здесь лет?
- Не знаю, не помню. Несчастливая судьба.
- №7
- В 12 лет она упала и перестала расти. Без образования, не кончила ничего, я даже не знаю, была ли она в школе вообще. По-моему, не была. Курсы какие-то бухгалтерские тоже кончила, работала счетоводом в сберкассе.
- Сколько ей здесь лет примерно?
- Не помню, лет 15-20 тому назад [*больше, поскольку, умерла она в 75 году*]. Не помню, она уже умерла. Она попала в больницу, потом меня вызвали. Я ее, так сказать, кремировал.
- Жила она все время здесь?
- Да, в Ленинграде, на Маклина.
- С племянницами?
- Да, с племянницами жила. Я не видел ее с мужчиной. Отсюда и тяжелый характер. У нее за всю жизнь была только одна подруга, тоже одинокая.
- Здесь похоже, она веселая?..
- Ну, улыбается, господи.
- Где эта фотография была сделана не скажете?
- Нет, откуда я знаю, где она снималась, как, что. Зима.
- Но с ней вы общались?
- Я даже не знаю, по-моему, она здесь уже не была... Вот. В 12 лет получила горб и это ей жизнь испортило. Ни разу я ее не видел с парнем, ни на какие вечеринки она не ходила.
- Вы говорили, что она любила читать.
- Да, она читала много.
- Значит, она, наверное, была интересный человек.
- Нет. Понимаете, интересный человек кроме чтения должен к чему-то стремиться, чего-то достичь – не было. Считала в сберкассе. Вот ее уровень.
- Во время войны она здесь была или уезжала?
- За что я ее очень уважаю, это за то, что во время войны, она двух девочек взяла и на Урал увезла. Это святое дело. Она им жизнь отдала. Они это не ценят. А что девочки? Что девочки, если одна бросилась под поезд?

На лицо она была более менее интересная; культурная, начитанная, но эта начитанность не сказывалась на общей культуре, на значимости, на положении. Иногда чувствуется: интеллигентный человек, начитанный – и т.д и т.д, его как-то это выделяет – ее не выделяло.

- Что она читала?
- То, что она читала не выделяло ее. Очевидно, второстепенную литературу. Так, она – счетовод.
- №8
- Это моя мама. Здесь она уже под конец. Сколько ей здесь – не знаю, под 70.
- Какого она года рождения?
- Умерла в 72 года в 42 году, посчитайте.
- Родом она из Вильно.
- А вы откуда знаете, что она из Вильно? По документам, или она говорила?
- Она говорила, что Вильно это ее родина и она из Вильно приехала в Петербург.

- Она одна приехала или уже с мужем?
- С мужем. Она приехала, жили здесь, а он умер в 11 году. С сестрой говорил, даже с младшей, она помнит хорошо его. Ей уже было порядком лет.
- И что она рассказывала об отце?
- Ничего, что помнит его. Он был заготовщик по обуви. Т.е. верхняя часть обуви...
- Причем, он умер – как мама рассказывала – видимо, от инсульта. Он разорился 100%но: вложил в эту кампанию, где работал заготовщиком какие-то капиталы – сколько было – и пришел с маленькой коробочкой домой, т.е. полностью разорился. Это его погубило – он не выдержал. Мать осталась одна с 4-мя детьми.
- Ей пришлось после этого работать? Она до этого не работала?
- Да, не работала, была домохозяйкой, достаточно считалось, чтобы работал мужчина.
- Она потом, что могла делала. Она торговала. Причем, по разному, одно время – долго, года 2 – дома варила мыло – такое, знаете, хозяйственное, белое с синими прожилками? Ну, оно было модно в старое время. Вот варила дома мыло, резала на куски проволокой и продавала его на базаре – на Покровском рынке. (Площадь Тургенева сегодня.) Мыло она варила недолго, а так она покупала и продавала. Торговкой на рынке – без образования, что она могла делать?
- А что она продавала?
- Разное. Мыло, синьку, всякое такое, мелочь такую. Я не знаю, что это ей давало, но что-нибудь давало. Брат тоже был на рынке – это так, семейное. Я голода не помню. Голодное время уже было после нее. Я же сильно голодал: у меня было 32кг весу.
- Это когда?
- В блокаду. Пока не выехал из блокады. Когда приехал в Ташкент к жене, она чуть в обморок не упала, увидев меня: половина человека стала, кожа и кости.
- Ну, она откормила, наверное?
- Ну, там тоже тогда было не так богато, но все-таки... Недаром говорили, что "Ташкент город хлебный". Такая есть повесть Неверова.

Тоже судьба тяжелая. 42 года, второй раз замуж не вышла, хотя она была интересная женщина, на лицо была интересная.

- А еще до войны, когда были маленьким, как жили? Бедно или как-то сводили концы с концами?
- Средне. Не бедно – бедно, но не нищенски. Очень плохая одежда у меня была. Одна из худших в классе. Это я помню. Но тогда на это не обращали внимания – тогда кто как мог. Я же говорил, у нас школа была – гордиться можно способностями и т.д. 2ой была в Ленинграде после Анен Шуле. Очень высоко. Среди не знаю сколько тысяч школ второе место занять.
- А вы учились в школе, там мальчики, девочки были?..
- Тогда была общая.
- Брат ваш в этой школе учился?
- Нет, он нигде не учился, у него было 2 года образования, не знаю, где он учился. Очевидно, в Петербурге где-нибудь, не знаю.
- А вы как в эту школу попали?
- Естественно. Еврейская национальная школа! Сразу меня отвезли во 2ой класс – я уже читал.
- Мама?
- Да. Я поступил в 1ый класс и 30ого попал под трамвай. Так что я год потом пропустил. Это была прекрасная школа. Я могу о директоре только сказать. Ясный майский день, конец учебы; он у нас вел

обществоведение, но он нас воспитывал и рассказывал обо всем. И вы себе можете представить, что 16 мальчишек и девчонок 16-18 лет слушали его 6 часов подряд – без единого перерыва, без сходить пописать – ничего! Энциклопедических знаний человек: средние века – средние века, индейцы – индейцы, Китай – про Китай, понимаете? Про еврейские всякие общества – тогда еще Израиля не было, тогда еще было... английское, помните? Держал нас астрономических часов подряд! И мы слушали. И это было не 1 и не 2 и не 3 раза. И каждый раз это были разные темы. Его Цетлин была фамилия. Мы его звали Тимофей Яковлевич, но еврейское имя у него было совсем другое – в одной из газет еврейских упоминали. Я преклоняю перед ним колени. Говорил великолепно, он был прирожденный оратор. Ну что такое немецкая школа? Там детей – не всех, понятно – в школу водили гувернантки, все, а мы были нищие братья, в основном. Это был еврейский район: от синагоги до Садовой; Прачечная Маклина – все это был еврейский район, прилегающий к синагоге.

А его жена, Любовь Сергеевна, такая маленькая хрупкая женщина была, она у нас преподавала химию. Но так как... Во всяком случае, она преподавала так, что ни один – класс 16 человек – химиками не стал. Никто химию не любил. Ну, она на своем уровне, очевидно, была, минимум давала, но никто химиком не стал. В основном, инженеры.

- А физику кто вел?
- Физику Марк Яковлевич Шницлер преподавал. Я считаю, не сильно. Математику у нас преподавал сильно. Гуманитарные: историю, литературу – преподавали сильно.
- А математику кто преподавал?
- Абрам Ефимович, фамилию не помню. Это был врач по профессии. Вот когда расстреляли одного парня [*одноклассника, уже во взрослые годы*], он прибежал ко мне – мы жили в одном доме – “Если бы тебя, - говорит – понятно бы было, ты что-то как-то, но Нолика” – который был ноликом вообще, по жизни!.. Ладно, всяко было.
- А ваша мама принимала участие в вашей учебе?
- Ноль. Господь с вами! Дело в том, что она была на рынке, торговала, я вам говорил. И вот однажды, одна из учительниц увидела ее – она ее видела, знала, что это мать – она у нее что-то купила, и она сказала ей, что у вас способный мальчик и вы можете за него не беспокоиться. Не о чем говорить, никто не беспокоился моим занятием. Понятия не имели: ни сестры, ни брат, ни мама – ноль. Они знали, что хорошо учусь – все. И что им было, когда я их через год – через два всех перегнал, что они могли? Я ж вам говорил, что я пытался брата уговорить учиться, а сестры – даже не уговаривал. Писать они умели, считать умели.
- А об этой фотографии, может, еще что-то можете сказать?
- Что я могу? Фотография старой женщины.
- №9 А здесь она в молодости?
- Да, я даже не знаю, какого года. Сестра что-то здесь напачкала – но ничего информативного. Единственная фотография, на которой я видел отца.
- А когда вы маму помните, она моложе, старше, чем здесь?
- Нет, я уже помню ее старушкой.